

Облачные белые одежды Распахнув непрогуленную ручку, В первый раз не с верой, а с надеждой На небо взирает род людской.

Не глядя, не смотря, а взирает, Как его ракетки озаряют, Вырывают из крошечной мглы Неба золотые угли.

И дрожат испуганные боги, Затаяв от изумления дух, Как медведи в старенькой берлоге, Электрifiedированной адруг.

НАШИ ЛЕТАЮТ

Небо — в воздухе опрокинутой чаши — выльем до дна и ставим вверх дном. Наши летят! Не чужие, а наши. Дальше и выше летят с каждым днем.

Помните небо сорок первого года? Враги — повсюду. Наших — нигде. Любая ясная безоблачная погода точно предсказывала: быть беде.

А сегодня — в воздухе или в эфире, всюду, куда ни кинешь взгляд — во всем бескрайнем безмерном мире Наши летят!

ФИЗИКИ И ЛИРИКИ
Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне. Дело не в сухом расчете, дело в мировом законе.

Значит, что-то не раскрыли мы, что следовало нам бы! Значит, слабые крылья — наши сладкие амбы. И в петасовом полете не вылетают наши кони...

То-то физики в почете. То-то лирики в загоне. Это самоочевидно. Спорить просто бесполезно. Так что — даже не обидно, а, скорее, интересно наблюдать, как, словно пеня, опадают наши рифмы и величье степенно отстывает в логарифмы.

Для тех, кто за столом

IX — ДЕСЯТЬ МИЛЛИОНОВ

В 8.30 она садится за свой накрытый стол. Привычным рынком открывает второй снизу ящик левой тумбы, достает наряды и принимается голять по железным пруткам стержня на гранях костяшки. Из-под ее пальцев выскакивают сотни цифр, но колонки еще несложных наступают на счету.

А у вас механизация все та же — пошлут недалеко начальник цеха, — перу, бумага да «дошанский счет» — так, знаете ли, называли это ваше оружие во времена Грозного. Сколько служащих больших управлений и маленьких трестов, сельских Советов и банков могут сказать о себе то же? Их десять миллионов — людей, которые проводят часть рабочего дня, а то и все восемь часов за столом.

Увы, на ручной труд убивают время не одни работники учреждений. В стране занимается счетом более двух миллионов бухгалтеров, калькуляторов, счетоводов, статистиков. Писать, завести архивы приходится врачам, журналистам, судьям — их тоже сотни тысяч. Огромный технический отряд служащих — в основном инженерно-технический — в основном инженерно-технический. Можно до поры до времени терпеть, что от руки выплывают счета на оплату электричества и газа, но нельзя мириться с тем, что наша промышленность — одна из самых совершенных в мире — планирует, проектируется и управляется почти без помощи машин.

Миф ли это? (Очерки на 2-й стр.)

КАКОЙ редактор не знает, как трудно бывает получить газету хорошей, оперативной очерк, рассказ, стихи. Не часто, ох, как не часто радуют писатели своими выступлениями на страницах газет! А почему, собственно? И вот вскоре после июньского Пленума ЦК партии в Союзе писателей Узбекистана собрались литераторы, чтобы обсудить этот вопрос, чтобы найти новые формы работы.

Стойли жаркие дни, когда каждый час, по выражению старых деда, так же важен для хлопка, как первый год для жизни человека. Крутые спуски люди сражались за хлопок, спуска его от жажды. Как помочь хлопководам выиграть эту битву? Секретариат Союза писателей Узбекистана решил создать выездные бригады литераторов. Нет, это не была обычная творческая командировка, которая где-то в будущем то ли окупится, то ли нет. Гла в гла — цель бригады — оперативные выступления в печати по острым проблемам сегодняшнего дня.

Дневник писателя

Первая бригада — в состав ее вошли и опытные писатели, и молодежь — выехала в Джизак, один из крупнейших хлопководческих и животноводческих районов Узбекистана. И вот писатели возвратились... Загорелые, возбужденные, переполненные удивлением и улыбка. И самое замечательное в их рассказах о поездке, на мой взгляд, — это убежденность в полезности сделанного.

Свое знакомство с Джизаком и его людьми бригада начала с выступления перед хлопководами колхоза имени Москвы. Встреча состоялась не в клубе, а на полевом стане, во время обеденного перерыва. Писатели прочитали свои новые стихи, рассказали о современной узбекской литературе, а колхозники поделились с ними мыслями о своем труде, о нуждах колхоза. Молодежь, конечно, не вытерпела и начала дискуссию о любви.

Иногда пишут, что в молодости у нас пока не все ладно. Часто со стороны молодых людей можно услышать нарекания: мол, зачем теперь учиться, все равно полученные знания в колхозе не пригодятся. Эти нарекания в какой-то степени основательны. Руководители многих колхозов не всегда внимательно относятся к молодежи, пришедшей из средней школы. А ведь этим они отталкивают молодых людей от сельского хозяйства, не дают им возможности применить полученные в школе знания на производстве, работать творчески.

Должно быть, поэтому некоторая часть нашей молодежи смотрит на колхоз, как на последнее прибежище. И выбирает «лучше». Близит человек каждый день за 50-60 километров в город, где работает на заводе...

Молодежь часто жалуются на невинное к ней отношение, но в то же время от пожилых колхозников нередко слышишь, что молодые люди ничем не интересуются. И это тоже в какой-то мере справедливо. Надо сказать прямо: у части сельской молодежи нет заинтересованности в улучшении сельскохозяйственного производства. Мне, как специалисту-ветеринару, приходится встречаться с обидными фактами: у молодой доярки коровы запущенные, грязные, а рядом у

МОЛОДОСТЬ ДОЛЖНА ДЕРЗАТЬ!

Кроме морального удовлетворения, совмещение двух должностей принесет какую-то, пусть маленькую, но пользу и государству, так как себестоимость выпускаемой продукции снизится. На другой день я доложил парткому о своем решении. «Дело хорошее, поговорим, обсудим, может, что и выйдет». А заместитель начальника цеха даже намекнул о надбавке к зарплате. Она, кажется, не пошла мне, что я не из-за надбавки иду на это. Просто сейчас такое время, что старые методы труда и старые взгляды уступают место новым, и я, как рабочий, коммунист, не имею права быть в жизни пассивным наблюдателем.

Я рассказал это не для красного словца, не из желания прихвастнуть, а просто, чтобы с уверенностью сказать другим, ищущим свое место в жизни, что самая большая радость для человека, самое полное удовлетворение, как моральное, так и физическое, дает труд и что малейшее безразличие, непонимание стремлений человека могут навсегда лишить его этой радости.

Молодость! Как это замечательно! Пожилые люди вспоминают о ней, как о чем-то радостном, светлом, хорошем. Молодость — лучшая пора жизни человека, и прожить ее нужно как следует. Этого умения жить по-настоящему у многих нет, а другим не всегда позволяют обстоятельства, как это случилось с Василием Турайкевичем и его друзьями. Но есть у нас, к сожалению, и другая молодежь, которая ничего не ищет, ни к чему не стремится, а труд расценивает лишь как средство к существованию, как обязательную повинность. Серая, скучная, никому не нужная жизнь обывателя!

Есть верное средство «вылечить» ту часть молодежи, которая боится всякими ультрамодными лихорадками. Это — труд и учеба. Небольшой и полностью согласен я с Василием Турайкевичем в том, что, только сочетая практику с наукой, можно принести максимальную пользу делу, жить интересно, целеустремленно, как и положено жить молодому строителю светлого завтра всей человечества — коммунисту. П. ФЕДУТИН, рабочий

Равнодушие недопустимо

ВАСИЛИЙ Турайкевич поднял важный вопрос о сегодняшнем молодом человеке, о его месте в жизни, об отношении к труду. И хотя я не молодой колхозник, а рабочий завода имени Носово в Николаеве, но и меня эта статья заставила задуматься за перо. Да и редакция просит об этом.

Однажды мне в руки попало несколько проектов приказов, подготовленных на подпись директору завода, в которых говорилось о самовольно, без предупреждения покинувших работу формовщиков, недавних выпускников ремесленных училищ. Будучи рабочим, я решил «протестовать» их в республиканской газете, чтобы и там, где они обосновались сейчас, знали, что это за «птицы», и водили им должное. Когда я обратился за справками в табельную цеха, мне показали целые списки, как называют их, уволенных заочно. И тут у меня возник вопрос: что же послужило и служит в настоящее время (не будем закрывать глаза на действительность) причиной того, что молодые, здоровые, веселые парни не живут в литейном цехе?

Одни говорят — малый заработок, а эти парни, дескать, любители длинных рублей. Другие обвиняют ремесленные училища, не привившие ученикам любовь к труду. А настоящая причина заключается, по моему, ни в том и ни в другом. Один из таких беженцев прислал письмо в комсомольскую организацию цеха, в котором откровенно признался, что его побуждало передать с товарищами пропуск на завод, а самому собрать нехитрые вещи свои и уехать, не дожидаясь расчета.

Молодой человек, впервые вошедший в цех без мастера, с первых же шагов был предоставлен самому себе. Получив первую зарплату, он, естественно, не рассчитал, как ею пользоваться до следующей получки. Взял аванс. Потом ему нечего было получать, и он снова задался. А когда парнишка окончательно запутался, то решил убежать с завода. Мне думается, что малейшее равнодушие в отношении к молодым рабочим, к их стремлению активно участвовать в многогранной жизни коллектива приводит к тому, что мы имеем большую текучесть молодых кадров. Прав Василий Турайкевич, что руководители порой сами отталкивают молодежь от хозяйства, не предоставляя им возможности активно, творчески работать.

Нынче происходят огромные события в мире науки и техники. Новое время сделало новой и нашу молодежь. Новым, более широким должен стать и диапазон ее деятельности, более смелым должно быть вторжение в жизнь. Мы горим желанием трудиться, творить, дерзать. Но работать хочется интересно, с максимальной пользой делу, считать практику с наукой. — говорит в своем письме Турайкевич.

Не так давно меня, в силу обстоятельств, перевели из бригадиров в мастера. Сначала меня это радовало, а затем начало угнетать. Обязанности мастера у нас на участке дублировались и плавильщика, проследить за его выполнением и занести в журнал чертежи и наименование отлитых деталей. Может, я привык к труду плавильщика, а может, но вошел еще во вкусы работы мастера, только мне стало скучно. Случилось так, что заболел бригадир, который работал вместо меня, и я надел спонку, а в руки взял задание мастера. В ту же минуту работал как бригадир, и как мастер. Возвращаясь домой по темным улицам города, я не чувствовал усталости. Груду распирало от радости и сознания того, что и сегодня поработал за двоих. Сама собой пришла мысль: не продолжать ли мне и дальше работать и мастером, и бригадиром.

В. А. ЛАЗЕВНИКОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

А. ЛАЗЕВНИКОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Герои наших книг

«ЕСЛИ найдете свободную минуту, Петр Петрович, ответьте нам: не легенду ли вложили вы в уста партизана Цымбала о Роберте Клейне и переправе у Днепра? Как хотелось, чтобы рассказанное вами было правдой...»

«Нет, не легенда, — ответил на письмо своим черниговецким читателям Петр Петрович Вершингора. — Роберт Клейн — Герой Советского Союза — живет в Орле, «командует» автохозяйством области...»

На двери кабинета управляющего орловским автотрестом табличка висит по-прежнему — не Клейн, а Клейн. «Перекрестил» меня Петр Петрович, — добродушно замечает Роберт Александрович. — Не могу припомнить, что первым из компаньонов назвал меня Клейном, но, как видите, пристало ко мне эта буква «я».

Рассказ о событиях у днепровской переправы я слушал, когда мы ехали с Робертом Александровичем в его дальнее автохозяйство — одно из восемнадцати, входящих в трест. — В то утро, — начал он, — сотни фашистских машин сбились на левом берегу Днепра. Армия Гитлера отступала. Было известно, что, как только все машины и люди перейдут на правый берег, немцы взорвут переправу — к мосту тянулись из-за границы невидимые провода. Мы должны были помешать этому.

И по рассказу Роберта Александровича я легко представил себе этот необычный, даже в тех обстоятельствах подвигов. Мой спутник в тот день был облачен в мундир немецкого полковника. За рулем «опель-адмирала» сидел его друг — подполковник Советской Армии Александр Конон в форме вахмистра. На мундире Клейна — последние этажи орденских колодок. Не первый раз ходили по тылам противника товарищи по оружию — Клейн и Конон, «два К», как называли их в штабе партизанского соединения. Сегодня они шли разведать, задержать переправу, не дать противнику взорвать ее. С осени 1941 года Роберт Клейн, советский танкист, ездил по дорогам, занятым врагом. И всегда в форме гитлеровского офицера. Он, конечно, безупречно знал свой родной немецкий язык. Роберт Александрович немец по национальности и родился в Повольжье. Когда «опель-адмирал» подехал к реке, «оберст» чуть приподнял руку, не дожидаясь до козырька фуражки, смерил конкурентам взглядом заросшего щетиной начальника переправы.

«Надеюсь, что у вас не на много больше обязанностей, чем у меня, — строго заметил он офицеру. Через десять минут начальник переправы, уже бритый, стоя навстречу, выслушивал приказание.

«Ничего, ни одной машины на тот берег. Здесь, по эту сторону Днепра, армия должна вернуть себе свое былое величие! — «оберст» оглядел хозяйским взглядом присмеревшие на берегу танки, самоходные орудия, машины. Начальник переправы растерянно смотрел на «полковника». Смысл неожиданного приказа — оставаясь на месте, возвратить с правого берега зенитные части, всем окопаться здесь, потрас его. И только величие «оберста» из ставки фюрера позволяло усомниться в новой стратегии.

«Вахмайстер» противил машину и внимательно следил за своим «оберстом». Не перебрал ли капитан Роберт Клейн. Но на берегу все уже завершилось. Новый приказ был в действии. С той стороны возвращались зенитки и успешные переправы туда машины, танки. Партизанская радиостанция передавала в штаб приказ выполнить, переправа задержана на шесть часов. Линия из блиндажей к шурфам со взрывчаткой обезврежена. Можно бы уезжать «оберсту». — скоро приедат

ОСЕНЬ В МЕЩЕРЕ

Новое шоссе пересекло Мещеру. Открылась автомобильная дорога Рязань — Касимов. Это важнейший участок «Большого рязанского кольца», сооруженного методом народной стройки. На снимке: дорога в Рязани. — Касимов. Фото Г. УДАЛЬЦОВА. (Фотокорреспондент ТАСС)

К. Назарова

Фото А. Князев

ХОРОШАЯ ДОЛЖНОСТЬ

...БЛИЗНЕЦЫ отчаянно ревели и шмыгали носами. Клавдия Сергеевна с трудом разобрала, что с ними случилось. А было так: мальчуган вышел из Центрального Дома культуры железнодорожников и растерялся: куда ехать? Затемневшая к вечеру Комсомольская площадь показалась им вдруг незнакомой.

— Адрес вы свой знаете? — спросила Клавдия Сергеевна.

— Знаем, только дома никого нет. Мама с папой в гостях у тети, нам туда надо.

— А тетя где живет?

— На Красной Пресне...

Как должна была поступить Клавдия Сергеевна Назарова, кносер Мосгорсправки, согласно существующим инструкциям? Ей следовало позвонить в детскую комнату при отделении милиции и отправить ребятишек туда. Но при одном только слове милиция ребята заревели так, что у Клавдии Сергеевны, как говорится, сердце дрогнуло.

Она уточнила адрес тети, выяснила, что ни у нее в квартире, ни у ее ближайших соседок телефона нет, и тогда связалась с одним из отделений милиции на Красной Пресне. Она уговорила дежурного направить на квартиру к тете посылочку. Через двадцать минут за пригрезившей в будке справочного бюро ребятшками приехал их старший брат...

Мелочь? В общем, конечно, мелочь — будничных штрих в будничной работе.

Другой раз в 144-й кносер Мосгорсправки обратилась двадцатилетняя девушка, — она интересовалась, как устроиться на работу. Незаметно разговор вышел из официальных рамок, девушка разоткровенничалась, рассказала о своей одинокой, нелегкой жизни и вдобавит вытиснула из-за ворота платяного мешочка ладанку с восковым изображением человека.

И Клавдия Сергеевна Назарова превратилась в этот час из рядового сотрудника Мосгорсправки в пропагандиста-антирелигиозника. Она сделала все, чтобы помочь девушке не просто найти работу, а устроить ее так, чтобы человека окружили настоящие товарищи, чтобы они помогли найти ей правильную дорогу, отвратили от церкви...

— Случаев в нашей работе всяких бывает много, и каждый день новые, — говорит Назарова. — Всего я вам и расскажу не сумею. А главное вот в чем: два года я на этой работе, и каждый день душа радуется — видишь, как помогает людям.

В Москве работают двести справочных кносеров. Подумалось: может быть, мне стоило поехать, может быть, я случайно напал на хорошего человека — Клавдию Сергеевну Назарову? И захотелось подробнее узнать о работе справочной службы.

50 000 справок в день получают жители Москвы и многочисленные гости столицы. На какие только неожиданные вопросы не приходится отвечать. Вот коротенькая выписка из карточек одного дня.

Какой самый населенный город мира?

Какие французские и немецкие спектакли идут сейчас в Москве?

Что означает слово лимнология?

Когда было организовано ТАСС?

Где заправил авиалакт кислородом?

Когда в Москве был впервые пущен трамвай?..

Все эти и многие другие вопросы, строго говоря, не входят в круг официальной компетенции Мосгорсправки, но... раз людям надо, сотрудники этого огромного учреждения стараются ответить.

А какая почта приходит в Мосгорсправку? Письмо из Софии: помогите узнать, рецензировались ли в Советском Союзе румынские книги по международной праву? Письмо из Хабаровска: нужны ли в Новороссийске и Краснодаре инженеры-строители? Письмо с Кипра: как получить русские книги по фармакологии?..

50 000 справок в день, десятки писем и в каждой строке ответа — частичка души.

Анатолий МАРКУША

Для тех, кто за столом

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

продвигается длинная сидка, на которую они наизываются. Затем ящик опорожняется, и нужные карточки с программами выпадают.

Кстати, представление о том, что труд служащего физически легок, — неверно. За день машинистка выполняет работу, равную трем с половиной тысячам килограммов, то есть такую же, как фрезеровщик или токарь. Не один километр проходит за день руки опытной stenographer...

Как хотелось мне привести в Институт труда директора, называющего механикою управление «мифом». И не только его, но и руководителей промышленности и местной промышленности, и самих работников. По поводу выкладки в комбайн — он сам вкладывает в комбайн, в конверт, запечатывает его и ставит штамп. Заменяющие stenographer фрезистку динтофов. Электрические пишущие машинки, на которых можно получать 15 копий одновременно, печатать на нескольких языках. Приборы поисковой сигнализации, помогающие находить человека в любом хеще или отделе большого завода за одну-две минуты. Аппараты для микрофильмирования, благодаря которым архивы занимают не комнаты, а ящики, так как площадь их сокращается на 90 процентов. Счетные машины, берущие на свои электрические плечи учет. Машин, специально предназначенные для управления, умеющие планировать и проектировать производство, распределять заказы и делающие вполне реальную идею создания автоматической конторы.

Трудно остановиться — хочется приводить еще и еще примеры, чтобы напомнить о колоссальных возможностях конторских машин, о том, что их умопомрачительные скорости занимают свое место в соревновании темпов, которые мы ведем.

Кто же и когда проложит машине дорогу к столу служащего?

...Когда на заводе приступают к рационализации производственного процесса, обычно уверены в том, что он необходим и изделия, являющиеся его результатом, имеют потребителя. Иное дело — процессы изготовления бумаг и цифр. Все ли они необходимы? Есть ли нужда в десятках миллионов расценок, действующих в народном хозяйстве, и миллиардах нарядов, выписываемых ежегодно, — в этих поистине юмических цифрах, от которых веет рачительностью вселенной? Так ли необходима «собственная» бухгалтерия в каждом клубе или магазине? Может ли оставаться без изменений управленческая лестница, где рабочего от директора отделяют иной раз семь-восемь ступеней?

Проложить машине дорогу к столу служащего — значит сломать заветные традиции времени и традиционные пути, по которым движутся многие документы; унифицировать и изменить самые эти документы — технические, нормативные, учетные, ибо они даже не рассчитаны на использование машин.

Чуть ли не половина дня служащего уходит на составление справок и отчетов. Нелепо было бы пытаться механизировать эту работу. Надо отделить управленческие функции и бумаги, необходимые производству, от тех, что рождены перестройкой и бюрократизмом. Первым дать машину, вторые уничтожить.

Уничтожить? Вот тут-то и начинается действовать закон инерции: «Всякое тело сохраняет состояние покоя» и т. д. Издавна канцелярия была местом долгих раздумий и неторопливых решений. Здесь привыкли каждую бумажку и цифру поддерживать в руках. И вдруг машина — самостоятельная, точная, работающая на недоступных мозгу скоростях...

Сотрудникам Института счетного машиностроения, которым поручен проект электронной машины для Московского

городского совнархоза, надо «формулировать» требования, которые к ней предъявляются, а для этого — изучить структуру совета, связи его элементов, виды информации, описать эти процессы математически и создать алгоритмы. Конечно, они не должны быть сплелком с работы людей, ибо «алгоритм» деятельности служащего чужд и велик и неуклюж, а машине нужны краткость и логика. И тут-то конструкторы столкнулись с упорным желанием некоторых совнархозовцев тащить в машину ненужную информацию и заставить электронное чудо работать по законам, основанным дедами-канцеляристами...

Несколько тысяч машинно-счетных станций и бюро создано на заводах. Сколько они работают в день? Четыре, много пять часов. На них считают в основном заработную плату. Конструкторы, технологи, планиовки в МСС ни ногой.

Но ведь смогли же некоторые предприятия механизировать планирование. Один ленинградский машиностроительный завод на обычных счетно-аналитических машинах проводит почти все работы по подготовке производства. Сороч процентов рабочего времени конструкторов и технологов уходило раньше на составление бумаг, а теперь они отданы творчеству.

По предложению Научно-исследовательского института труда и с его помощью за комплексную механизацию и автоматизацию управления взялся недавно завод «Фрезер». Она включена в его семилетку.

За двадцать семь лет существования «Фрезера» ничего не изменилось в управлении заводом и цехами, хотя сами они изменились неузнаваемо. И вот теперь решено все это ломать. До сих пор управление всеми заводскими ресурсами — транспортом, инструментами и ремонтным хозяйством и т. д. расплывало по цехам. Каждый имеет соответственно свои службы, своих технологов и экономистов, которые подготавливают, планируют и анализируют производство в масштабах цеха. После перестройки все эти функции возмрут на себя центр обработки информации и центр контроля и регулировки производства. От десятков мелких элементарных операций, от расчетов и писаний освобождает цехи, отделе главного механика, технолога, энергетика — на их долю останется действительно инженерный труд. Девиз перестройки — централизация.

«А лучше ли это — централизация? На бумаге-то гладко, а в жизни? Смотрите — это ломка основ, она придет болезненно и может привести к неприятностям...» — сколько фрезеровцев думают и так.

— Поверьте, легче модернизировать машину, чем одно канцелярское звено, — говорит директор завода Федор Васильевич Кожаров. — Несложно рассчитать допустимое напряжение при проектировании вала. Но ведь нет формул для расчета допустимой человеческой реакции на технические новшества и силы сопротивления, определяемого тридцатилетней привычкой. Есть малюверы и среди молодых специалистов, потому что высшая школа даже не познакомилась их с этой областью науки и ее возможностями...

Завод одним из первых начал большое дело. На людей «Фрезера» ляжет тяжесть возможных неудач, но и победы будут связаны с его именем. «Фрезер» должен стать своего рода эталоном — сюда будут приезжать учиться тому, как надо руководить современным социалистическим предприятием. Такие опытно-показательные предприятия необходимы в каждой крупной отрасли промышленности. Тогда не на бумаге, а в жизни увидят инженеры и хозяйственники, какие плоды может дать рациональная организация в соединении с машинами, как экономят они деньги и время, как освобождают творческие силы человека.

КТО ИННОВАТ!

— Мы хотим превратить наш «Фрезер» в культурный завод, — говорят работники завода. — Но без помощи большой промышленности мы с этим не справимся. Не все можно сконструировать и построить на «Фрезере». В стране сотни проектных организаций, но нет такой, которая проектировала бы механизацию управления. Мы это должны сделать сами. Ну так дайте нам хотя бы готовую технику!

Мне рассказывали, что так называемую малую вычислительную технику для МСС добывали путями, мягко говоря, несправедливыми — покупали и ремонтировали машины, списанные задрятозными институтами...

Производственную базу техники управления можно назвать «базой» лишь условно. Потребности народного хозяйства в счетных машинах уже удовлетворены едва ли на четверть. Да и что это за четверть? В нее входят и десятки тысяч малопроизводительных суммирующих машин устаревших конструкций, и несколько тысяч вычислительных, которые фактически бездействуют из-за плохого качества, и те арифмометры образца 1876 года, которые производил Курский завод.

У нас есть опыт создания уникальных электронных машин, но серийное производство их для нужд управления пока не налажено. Аппараты для микрофильмирования делается очень мало, и она устарела. Бескопирочное черчение на специальной бумаге позво-

ляет получить любое количество копий. Так можно освободить от утомительной работы только в строительных проектных учреждениях 25 тысяч копировщиков. А если учесть еще заводские конструкторские бюро! Но бумаги этой выпускается очень мало, и она плоха по качеству.

Кому предъявить этот список? Кто несет ответственность за эти цифры? Такого учреждения нет. Никто не планирует производство техники управления. Никому не известны точно потребности в ней. Всем кто-то где-то занимается «наряд» с основной продукцией». Некоторые приспособились — делают аппаратуру сами. И вдруг на завод начинают сыпаться письма с заказами из дальних совнархозов. Их главные руководители обычно получают законные ответы: «Для всех мы делаем автомобили, а счетчики — только для себя».

За границей промышленность средств управления огромна и продолжает расти очень быстро. Академик Варга писал, что атомная энергия и новые типы машин для канцелярской работы — одни из главных факторов, обеспечивающих капитализм известный рост производства. В США промышленность конторского оборудования по объему производства обогнала тракторостроение. Темпы ее развития в Англии в десять раз выше темпов развития всей промышленности.

Вряд ли надо говорить здесь о разных целях и последствиях механизации управления в капиталистическом мире и у нас, о кризисе «белых воротничков», которые вытесняет машина, и обязанностях надсмотрщика, которые берет на себя промышленное телевидение. Надо говорить о другом — о масштабах производства и научно-технических работ, их технике и организации.

За оставание механизации управленческого труда несет большую долю вины наука. Она «проспала» изменения, происшедшие на производстве, не считала, не сравнивала, не предвидела.

Нельзя сказать, что не ведется никакой научно-исследовательской работы. Рости ее в последние годы пробиваются то тут, то там, но часто — на «почвах» малоплодородных. Производство заставляет заниматься этими проблемами свои ведомственные НИИ и бюро. Тут институты автомобильной промышленности, точной механики и оптики, сельскохозяйственного машиностроения. Масштабы этих работ по сравнению с требованиями народного хозяйства ничтожны. Много сил и денег тратится на то, что уже сделано или делается другими.

Та же беда — нет руководителя. Нет даже головного института, который мог бы взять на себя эту роль. Есть отдел совершенствования организации управленческого труда в Научно-исследовательском институте труда. И это единственное в стране специальное научное учреждение, состоящее из нескольких энтузиастов, вот уже три года отстаивает право на существование и внимание.

Кроме главных проблем — развития научной и конструкторской деятельности, налаживания производства, — есть немало других, которыми тоже не занимаются.

Надо подсчитать — можно сделать это не на машинах, а на счетах — экономическую эффективность каждого аппарата и прибора в зависимости от характера работы, других машин и т. д., учесть все связи и перевести их в рубль. У нас бывает так — «ТУ-104» летит до Ленинграда часа, а дорога до аэродрома в обоих городах занимает три часа. Что толку в быстрой езде, если информация, которую обрабатывает электронная машина, идет почти два недели, а результаты подсчетов размываются еще две! Надо создавать комплексные управленческие системы машин.

Иной руководитель и хотел бы модернизировать управление, да не может — не умеет. На заводах нет отделов организации производства и управления. Раньше в учреждениях существовали самостоятельные бюро рационализации, которые боролись с канцелярской рутиной. Может быть, целесообразно создать их вновь? А на заводах — отделе, и привлечь к работе в них специалистов?

Но где их взять? Всех специалистов можно перечисить по пальцам. Между тем с основами комплексной механизации управления должен быть знаком каждый грамотный инженер. Когда возникает разговор об этом, за него немедленно цепляется другой — а где учебники? Тридцать шесть лет назад Ленин писал: «объявить конкурс... на составление двух или больше учебников по организации труда вообще и специальной труда управленческого». И до сих пор они не созданы.

Необходим и специальный журнал — тогда ценные работы не будут залежаться на полках или находить место на задворках «чужих» журналов. Надо издавать литературу — нашу и зарубежную.

Каждое из огромного количества этих и прочих не названных здесь «надо», возможно, и не выглядит столь уж неотложным. Но когда знаешь, что, превратившись в «делано», оно позволяет ускорить и повысить качество проектирования и оперативности управления, перевести непосредственно на производство полмиллиона служащих, понимаешь, как нужен хозяин этому беспрозорному делу.

З. МАКСИМОВА

«Продавцы Воздуха»

ФЕЛЬТОН

РЕЧЬ идет не о попытках авантюриста Бэйли из одноименного романа А. Веллева. Для этого вида торговли нет нужды конденсировать кислород и отпускать его в удаюной населению расфасовке. Торговля воздухом стара, по крайней мере, как Санкт-Петербургский, ныне Ленинградский гостиний двор.

Разной-то приказник наживдал на девственные плечи приезжего кособокий сортучок и жарко шептал в рдеющее провинциальное ухо:

— В порядке любезности. Единственный оставший от тех, что граф Боринский из английских краев выписал. Только для вас... Таперича, в этом случае, вам не иначе, как егеральскую дочку сватать... На чашек бы с вашей милости, сударь!

Это и называлось на гостиниодворском и смежных с ним «купецких» жаргонах «торговать воздухом».

Давно уже само слово «купец» гражданах нашей страны узнают, лишь дойдя по литературе до Островского. А торговля воздухом жива.

Великолепны московские храмы одежды. От старины остались только бесполокый обычай продавать костюмы в полутеме, где все одежды серы. Нет, не только... Остались шепот и робкое дыхание, переходящие в трели соловьиных.

— Ах, это вы, граждане? Не может быть! Помните, в примерочную заходили полнеющий товарищ среднего возраста, а выходит — молодой красавец с теннисной талией. Простите, не вы ли сминались в «Разных судьбах»? Прикажете выписать?

Счастливая пара молодоженов покупает посылку. Трели соловья снова становятся шепотом и робким дыханием:

— Не смочите, носятся не будет! Надо бы магари!

Приезжий за истекшие сто лет воздухом вырос. Он не розовеет от смущения, а багровеет от возмущения. Он спрашивает:

— За что? Вы пытались всучить нам шинельное сукно цвета сажи, потом нам розовый мешок с голубыми веснушками. А этот костюм отсыскала моя жена сама.

Милый, — ужасается супруга, — зачем же так грубо? Товарищ искренне старался. Верно ведь, товарищ? Люди смеялись, что о нас подумают?

Идеальный купюра, равная дневному заработку молодой жены-врача, перекачивается в потную гостиниодворскую лапу.

Колле по этой торговле у нашего продавца хоть отбавляй.

...Из распнутого настежь, урчащего деревянного бреха телевизора свисают ноги молодого человека с таким количеством молний на брючках, что होने их само по себе требует среднего технического образования. Под аккомпанемент симфонического оркестра мастер объясняет, упорно не вынимая головы из аппарата:

— Не менее двух месяцев... Канцалочка... Рублей двести... Трансминистр, трансфузия, транспордания...

Глава семейства лихорадочно листает инструкцию.

Положение спасает многоопытный кормчий житейских бурь — хозяйка дома.

— Вы старну пете, молодой человек? — спрашивает она.

Музыка умоляет. Ящик отвечает застенчивым голосом.

— Ага... Только я люблю ее томатным соком запивать. А сельдочку, к отварной картошке, лучше всего дунайской.

Пока бегают за снадью, ящик как-то, чуть ли не сам собой, восстанавливает свои звуковые и изобразительные способности.

Хозяину безумно хочется вышвырнуть молодого человека в уникальных штанах за дверь. Но нельзя! Не принято! Что о нем, хозяйке, подумают?..

...В доме, считавшемся в дни его молодости, в шестидесяти годах прошлого века, гигантом, в одном из подъездов систематически портилось электричество. Четыре инженера и один техник, проживающие в указанном подъезде, окружая домоуправленческого монтера, колдовалишного у щитка на лестнице, и упрямивали:

— Не ставьте «жучки»-временки. Пониние жме, наконец, как следует.

Монтер хмыкал, что-то себе под нос и удалялся, заверев распределительную коробку огромным пангаузмным замком.

Через сутки свет снова гас. Квартирный общественность клеимла чихрех инженеров и одного техника, а те уныло объясняли, что не посвящены в тайны срыва замков, и шли бить челом лорду-хранителю ключа.

Так продолжалось до тех пор, пока не собрали монтера на «арматуру за счет жильцов». Свет вспыхнул, чтобы не гаснуть вовеки, а монтер стоял на стремянке и, качаясь так, будто пытался вывинтить сам себя в стену, декламировал:

— С деньгами свет! Без денег тьма!..

К. СЕМЕНОВ

...Посреди десятков московских предбанников возвышаются группы из трех богатейшей, очень похожих старая на вассесовских, но без доспехов и шапшей, зато в белых халатах. Витязи покуривают и налегают о своем житье-бытье. Но вот из дверей «в мыльнице» появилась уже облуженная водной и паром «моющаяся единица». Очереди богатейшей гвардейским шагом шествует к ней и наливает на мокрпе единичные плечи полотенце. Осторожно прикасаясь к лопаткам пуховыми ладонями, добрый молодец приговаривает:

— С легким парком-с вас... С хорошей погодкой-с вас... — и еще кабриет-то фразы, в которых можно заметить только окончания «с вас, с вас, с вас!..».

Потом коммунальный Иван Подпудный вырывает у вас белье и мочалку. Он непременно должен уложить это в портфель сам и, конечно, не так, как вы любите. Протестовать неудобно. Это же «в порядке любезности!»

Посетитель, не глядя в глаза беззаветному борцу банного фронта, сует ему рублевку. Так принято. Неудобно остановиться, взять чудо-богатыря за пуговицу ведомственного халата и сказать:

— Послушайте, уважаемый! Не к лицу вам угнетенчество и холопская лест! Не нужно это — ни мне, ни вам!

Гораздо проще отделаться накой-нибудь мелочью и уйти.

Как часто наши добрые знакомые рекомендуют нам какого-нибудь «Юру из магазина у Покровских ворот». Этот Юра «остаеат», «соображает», «организовывает» столы, диваны, шкафы. Така — 100 рублей. За что? За то, что в государственном магазине сделанную на государственной фабрике мебель продает за полцены покупателю. Неужели самые передовые, самые высокие души, самые сознательные в мире советские люди действуют против своей воли и убеждений только потому, что, мол, не нами заведено — не нам ломать традицию...

Кем заведено, по какому праву? Не может же лицо «принимашее» получить «благодарность», «срыть», «присно», «бакиши», «пенкши», «налям», «забару», «магарыч», «гостинич», а попросту говоря, взятку, без согласия «дающего».

С. С. С. Не пришло бы в голову доказывать директору автомобильного завода:

— Стало-то специально для вас, с синеватым оттенком, в тон газа вашей супруги. Не по службе делаю — по душе... Неплохо бы по этому поводу, за ваш счет, по маленькой вынуть.

Но этот сталевак, не задумываясь, отвалил сотенную продавцу Теркулову за «подбор» телевизора в магазине на Колхозной площади.

Сами, не задумываясь об этом, терпимостью и безразличием мы плодим пусть маленьких, но вредных паразитов, людей с копейным по размеру и по содержанию внутренним миром. Мы не скрываем гримасы пренебрежения при виде молодого, здорового парня за барьером буфета, гардероба, с молчаливой баншица в руках, или просто «искаламынт». И мы не задумываемся, нет ли нашей вины в том, что количество таких «приятных» далеко не во всех отношениях молодых людей убывает гораздо медленнее, чем хотелось бы.

Привычка торговать воздухом — страшная привычка. Она вьедается в человека все сильнее и глубже. Она приводит к тому, что мимо стальной мачты подползут вагоны, а на вокзалах по две — по трое суток мятрятся женщины с маленькими детьми. Проводники-кальмишки жмут, пока их найдут желавший «отболадарить» четвертым билетом. Из-за нее купатель в мебельном магазине видит надписи «продано», повлившись на гардеробах и столах чуть ли не по дороге со склада в магазин. Из-за нее возникают большие и малые служебные проступки, а то и преступление. Где кончается «благодарность» и начинается взятка, не отличишь, ибо между ними нет разницы.

И напрасно пытались убедить судей гражданка Винникова, утверждавшая, что сто рублей, врученные ею управдому ЖКО автозавода имени Лихачева Кузнецовой, — это «дружеский подарок», так сказать, «гостиничка за то, чтобы не чинили прелатствий в прописке». Суд не разделял эту точку зрения.

Так давайте дышать чистым и ясным, прекрасным воздухом нашей страны, не прибегая к услугам хапуг, врачей, профессиональных попрошайек. Миллионы шахтеров и трактористов, агрономов и сталеваров, инженеров и лесарей, ткачей и дорюк делают свое большое дело не «в порядке любезности», не «чтобы для вас», не с затеанной мыслью получить «на чай». Так пусть же каждый из них перестанет покупать несуществующий товар. Пусть каждый, встречаясь с продавцом воздуха, напоминает ему, что труд — это не одолжение, а обязанность.

НОВЫЕ СТИХИ

Сергей ОСТРОВИОН

ОДНОМУ ПОЭТУ,
ПИШУЩЕМУ О ЛЮБВИ

Зачем мне знать, что женщина когда-то перед тобой гнула, как лоза? Что девочка глядела виновато в твои голубоватые глаза?

Зачем мне знать, что ты любил другую, что женщины вокруг нехороши, что ты купил любовь недорого? На медные душевные гроши?

И вот она — любовь твоя нагая, стоит на обозренье, на ветру, и синевеные ямки напряга.

Все тщица научит тебя добру, а ты — бейжишь! Какой ты смелый, право! Как ты изыскан. Как молодец.

Зовут налево — ты бейжишь направо, зовут вперед — а ты назад, назад.

Душа пуста. Строка велеречива. Не раскаяли их криком добела. Любовь — не хор торговки.

Не тонкогуба вовек. И не зла.

Любовь — добро! Так научись за это, быть неизменно благодарным ей. Не мсти зиме за то, что было лето! Не трогай тех, кто был тебя слабей.

Благодаря! А если не умеешь — молчи, не словоблудствуй. Не грехи. Вся жизнь потом себя не отогрешит, не снимишь этой тяги с души.

И не считай лирических увений, не выставляй их всюду напоказ, зачем мне знать о той, о белопечей, Уехавшей куда-то на Кавказ?

Или в Сибирь? Или еще куда-то? И были вы или не были близки? Ах, как же это все... замысловато! И как же это все не по-мужски!

РЕПЛИКИ

Ошибку нужно исправить

ТАРУСА — город художников. Прошлое города неразрывно связано с именами крупнейших русских художников. И в наши дни сюда съезжаются писатели, некоторые по своей красоте природы пейзажи и прославляющим мастера кисти, и те, кто недолго взял в руки мольберт. К сожалению, художественные традиции не разнауют ни городские власти, ни Союз художников СССР. В Тарусе до сих пор нет художественной галереи, где можно было бы выставить наиболее замечательные полотна, которые находятся сейчас у частных лиц.

Недавно в Тарусе произошел случай, на который нельзя не обратить внимание широкой общественности. В городском Доме пионеров руководителем кружка живописи и рисунка А. П. Коновалов. Он сумел пронести детей к серьезному занятию искусством, тратя на это много сил и времени. Детские работы, выставленные на просмотр, показали, как много сделал Коновалов, несмотря на чрезвычайные тяжелые условия работы. Действительно, А. П. Коновалова заслуживала всеобщего признания и благодарности. Но вместо благодарности и поощрения А. П. Коновалова по каким-то формально-бюрократическим соображениям лишили даже того мизерного денежного вознаграждения, которое он получал за свой самоотверженный труд. А детей лишили возможности продолжать занятия живописью. Мы думаем, что случай с А. П. Коноваловым требует вмешательства со стороны Калужского

обкома комсомола, которому подотчетен тарусский Дом пионеров.

Здравый смысл и чувство справедливости говорят за то, что городским властям Тарусы необходимо немедленно исправить допущенную ошибку и, вспоминая славные художественные традиции родного города, поддержать одаренную молодежь и ее руководителя-энтузиаста.

К. ПАУСТОВСКИЙ, писатель.
И. ЧЕКМАЗОВ, профессор.
А. ГРИГОРЬЕВ, художник

Популярность и невежество

2 ОКТЯБРЯ газета «Литература и жизнь» опубликовала фельетон С. Никулина о брошюре Д. Розенталя «Культура речи». Мы не можем пройти мимо этого фельетона.

Тенденциозно выбраны цитаты из первых десяти страниц текста и, видимо, не дав себе труда заглянуть в остальные восемьдесят, содержащие полезные сведения о правильности и чистоте современной литературной речи, С. Никулин пытается создать впечатление «заумности», «сложности» языка брошюры, якобы недоступного для читателей.

В фельетонном пьесе он свалил в кучу и выдал за слова Д. Розенталя цитаты из разных авторов, осмеял известного высказывание М. Горького о языке, а выдергав из труда академика В. В. Виноградова (вынесенную, кстати, в заголовочной фельетона) фразу «идеальностью над языком»,

Сделав предметом своего остроумия лингвистическое терминологично, С. Никулин обнаружил невежественный, примитивный подход к пропаганде знаний о языке. Удивляет, что критические замечания в брошюре высказывает в фельетоне «старый учитель», понимающий таких терминов, как «грамматическая конструкция», «семаантика» и т. п.

Фельетонист явно смешивает популярность изложения с популярностью, осужденным еще В. И. Лениным: «Не опускаться до неравного читателя, а неуверенно — очень осторожно постепенностью — поднимать его развитие».

Брошюра «Культура речи» (пригодная, по мнению С. Никулина, лишь «для семейного пользования») за короткий срок разошлась массовым тиражом. И это — один из показателей роста культуры советских людей, их тяги к знаниям. А фельетон С. Никулина дезориентирует общественность.

К. БЫЛИНСКИЙ, профессор.
С. КРЮКОВ, профессор.
С. ОЖЕГОВ, доктор филологических наук, Л. АДРИАНОВА, заслуженная учительница школ РСФСР, Т. КУМАНЦОВА, учительница Ногатинской средней школы № 10 Ленинского района Московской области, Н. ХЕРСОНСКАЯ, методист Московского областного института усовершенствования учителей

НАЗАД И ВПЕРЕД СМОТРЯЩИЕ

Когда на заводе приступают к рационализации производственного процесса, обычно уверены в том, что он необходим и изделия, являющиеся его результатом, имеют потребителя. Иное дело — процессы изготовления бумаг и цифр. Все ли они необходимы? Есть ли нужда в десятках миллионов расценок, действующих в народном хозяйстве, и миллиардах нарядов, выписываемых ежегодно, — в этих поистине юмических цифрах, от которых веет рачительностью вселенной? Так ли необходима «собственная» бухгалтерия в каждом клубе или магазине? Может ли оставаться без изменений управленческая лестница, где рабочего от директора отделяют иной раз семь-восемь ступеней?

Проложить машине дорогу к столу служащего — значит сломать заветные традиции времени и традиционные пути, по которым движутся многие документы; унифицировать и изменить самые эти документы — технические, нормативные, учетные, ибо они даже не рассчитаны на использование машин.

Чуть ли не половина дня служащего уходит на составление справок и отчетов. Нелепо было бы пытаться механизировать эту работу. Надо отделить управленческие функции и бумаги, необходимые производству, от тех, что рождены перестройкой и бюрократизмом. Первым дать машину, вторые уничтожить.

Уничтожить? Вот тут-то и начинается действовать закон инерции: «Всякое тело сохраняет состояние покоя» и т. д. Издавна канцелярия была местом долгих раздумий и неторопливых решений. Здесь привыкли каждую бумажку и цифру поддерживать в руках. И вдруг машина — самостоятельная, точная, работающая на недоступных мозгу скоростях...

Сотрудникам Института счетного машиностроения, которым поручен проект электронной машины для Московского

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«Помогите Чары Умирову»

Под таким заголовком была опубликована 21 июля с. г. в «Литературной газете» корреспонденция, посвященная сельскому строительству в Узбекистане. Главное управление сельского строительства при Совете Министров Узбекской ССР сообщило редакции, что факты, изложенные в статье, соответствуют действительности. Строительные работы в колхозах Кашкардарьинской области сдерживаются из-за недостатка строительных материалов, в особенности кирпича. Принимаются меры к улучшению положения. Составление генеральных планов строительства колхозов и совхозов будет ускорено.

МИР СТАНЕТ ДРУГИМ

ФРАНЦУЗСКИЙ народ хорошо знает, что даст ему принятие предложенных Хрущевым в ООН. «Политика величия» нашего правительства — не что иное, как отвлеченный маневр, стремление замаскировать нищету страны. С годами Франция, являясь, превратилась во второразрядную державу. И шум де Голля вокруг «собственной» атомной бомбы — лишь попытка компенсировать комплекс неполноценности правителей Франции, отвлечь внимание французского колоссального прогресса науки и техники во всем мире и прежде всего в Советском Союзе. Некогда Франция играла выдающуюся роль в движении человечества вперед, теперь же она топчется на месте.

И вот даже те, кто не видит важнейших причин этого зстоя, этой косности, кто не понимает, что отставание Франции — это обычное, «нормальное» явление для периода общего кризиса капитализма, даже эти люди, сохранившие максимум иллюзий о «свободной демократии», очень хорошо чувствуют на собственных плечах непоносимую бремя военных расходов, становящихся с каждым днем все тяжелее. Это расходы на колониальные войны и на «атлантическую политику». Война в Индокитае, впоследствии «потерянная», война в Алжире, который будет «потерян» завтра, дорого нам обошлись.

Простые люди знают, что украла у них война. И это помогает им понять, что мог бы завтра принести им подлинный мир.

Военный бюджет Франции на 1960 год вырос до 2 000 миллиардов франков (правда, власти «признают» лишь 1 686 миллиардов). Тридцать процентов бюджета! А ведь как много могла бы сделать Франция, скажем, за десять лет, если бы она не тратила столько денег на подготовку к войне. Сколько она могла бы построить больниц, жилых домов, лабораторий, школ, заводов, музеев! Но все это — лишь мечты, мечты простых людей Франции. Аполговеть «холодной войны» мечтает о другом...

В современной Франции люди уже привыкли рассчитывать на «минимум», надеяться только на самое незначительное, ничтожное улучшение. Но непомерные военные расходы поставили под угрозу эти «минимальные» надежды, начиная с так называемого «гарантированного минимума» заработной платы, которого не имеют массы рабочих. Трудящиеся живут впроголодь, тратящиеся живут в жилищных условиях. Если даже говорить, нет, не об ухудшении бытовых условий, а хотя бы о предотвращении их дальнейшего ухудшения, то на это требуется не менее 368 миллиардов франков. Но бюджет 1960 года ассигнует для таких целей лишь 195 миллиардов. А разве не мизерны бюджетные расходы на просвещение (700 миллиардов) и здравоохранение (112 миллиардов франков)?

Можно считать, что экономия примерно половины военного бюджета, то есть около 1 000 миллиардов франков, позволила бы поднять Францию над тем гнилым уровнем «минимума», на котором она прозябает. Это было бы колоссальным сдвигом, размеры которого сейчас трудно себе представить. Особенно трудно представить себе эту французскому народу, который, даже по официальным данным, живет хуже, чем когда бы то ни было. Французский народ уже привык к цифрам, которые отражают не его завоевания и успехи, а его лишения. И это в то время, когда всего лишь годовой экономия на военных расходах позволит ему покрыть свои трехлетние расходы на жилье.

Есть еще кое-что, что не может быть выражено языком цифр: безопасность, освобождение от страха перед атомной бомбой и другими бедствиями, освобождение от тяжкого груза, давящего на сердце. Жизнь людей примет новую, более радужную окраску. Особенно это скажется на молодежи, перед которой откроются новые, широкие горизонты. Можем ли мы по достоинству оценить, как благодетельно будет влияние этих перемен на всех людей, на все человечество? Поездка Хрущева в Соединенные Штаты заставляет нас почувствовать, что мечта эта осуществима.

Всеобщий мир создаст новую жизнь!

Андрэ СТИЛЬ
Париж, 12 октября. (По телеграфу)

ПРИВЕТЛИВЫЙ ОАЗИС
Рисунок из американской газеты «Криччен сайенс монитор»

МАДРИД СЕГОДНЯ. Вооруженные солдаты и полицейские на улицах испанской столицы — оплот франкистов. «Жизнь Испании», — заявляет в подписи к этому снимку итальянский журнал «Эуропео», — по сути дела, очень отличается от той жизни, которую рисует покорные режиму испанские газеты.

(Юнонация. Начало на 3-й стр.)

Социалистический реализм и неореализм

исчерпывающее определение неореализма как литературы «литературного документа», как литературы «опозитивированного факта».

В книгах неореалистов действительность изображается сквозь призму личного опыта автора, сквозь призму пережитого им, и отнюдь не случайная схожесть многих из этих книг с прозой поэта.

Другой характерной чертой неореализма является то, что писатели этого направления избегают тем, связанных со сколько-нибудь отдаленным прошлым; как правило, пишут они только о местах, хорошо им знакомых по личному жизненному опыту, — им глубоко чужд так называемый пафос дистанции. Многим писателям-неореалистам близки известные приемы кинематографичности, многие из них разделяют ту ошiboчную в своей основе мысль, что стоит при помощи киноаппарата проникнуть сквозь стену, за которой живет сосед, заснять его жизнь час за часом, минутой за минутой, и эта «регистрация жизни» сама по себе станет искусством.

Ложная вера в магическую силу наблюдения, в чудо, совершаемое объективностью, получила среди итальянских неореалистов-литераторов довольно широкое распространение. Третьей важной чертой неореалистической литературы стал отказ от разработки образа, характера. С этим также связан отказ от сюжета, от интриги в обычном понимании слова. И в теории, и на практике это приводит к отказу от романа как жанра. В романе, по мнению многих писателей-неореалистов, нельзя передать напряженный ритм действительности нынешнего дня. Так писатели-неореалисты приходят к отрицанию самой возможности создания широких полотен, что, вне сомнения, ограничивает художника. Отсюда и распад большей формы. Выступая перед студентами Ташкентского университета в 1956 году, Альберто Моравиа, крупнейший итальянский романист, в произведениях которого много места уделяется человеческой психологии, упрекал неореализм в том, что в произведениях писателей этого направления нет психологического анализа и нет психологической сложности.

Если говорить о национальной литературной традиции, к которой восходят мотивы неореалистической прозы, то в Италии — это Джованни Верга, основоположник итальянского «веризма» (от слова «vergo» — истинный), недаром столь любимые итальянские критики вместо неореализма говорят о «неореализме». Противопоставляя Верга Д'Аннуцио, знаменитый итальянский драматург Пираделло еще в 1920 году, выступая в Сицилии в день восьмидесятилетия Верга, сказал, что Верга — самый антилитературный из наших писателей.

У Д'Аннуцио — «виллы, безделье, причина и высокомерная гордость сицилийцев». У Верга — «сухой и тощий скляк жизни, голая нищета вещей и слов и все та же деревенская площадь; и все же домикши нищей деревни: нехватка самого насущного и страсти бедняков, с трудом выходящие наружу...» У Д'Аннуцио — «стиль слова», у Верга — «стиль вещи».

Эту характеристику Верга можно в известной мере отнести и к неореалистам.

Можно добавить, что известное влияние на современный итальянский неореализм оказал Хемингуэй (его переводчиком в Италии, в частности, является Элио Витторини) и такие американские писатели, как Колдуэлл, Стейнбек и некоторые другие, знакомые с которыми в Италии, в силу культурной изоляции, состоялось лишь в конце тридцатых годов.

ТАКИМ образом, мы видим, что неореализм в литературе, с одной стороны, может дать простор субъективному началу, а с другой стороны, — предоставить голос по преимуществу факту и документу. И в том, и в другом случае перед нами искусство, которое не ориентируется на большие исторические обобщения и крупные литературные формы эпического плана (как роман), характерные для нашей советской литературы и популяризуемые, как мы думаем, самим размахом исторических событий. Рафал Фюкс был прав, когда писал в своей книге «Роман и народ» (еще в 1937 году), что развитие романа в прогрессивной литературе мира представляет собой естественную форму, которая дает возможность художественности раскрытия действительности в очень многих аспектах, дает возможность соединить воедино лирические, эпические, драматические средства изображения не в субъективной форме (от имени личностного «я»), дает возможность высказаться самой жизнью и ответить на вопрос о том, куда движется она.

В отказе от романа как жанра в известной мере скажутся и коренные идеины слюности неореализма. В нем нет преемственности, которая заложена в самой сегодняшней истории. Правда, надо сказать, что «перспективизм» нас обвиняли наши итальянские коллеги во время поэтической дискуссии в Риме. Такой выдающийся поэт и романист, как Пазоллини, творчество которого сегодня становится одним из наиболее значительных явлений в современной итальянской литературе, утверждал, что оптимизм советской литературы не подходит итальянцам, поскольку в западноевропейской действительности мало поводов для радости. Пазоллини писал: «Спасение в том, что бы, в аду живя, с мраморно-холодной волей стремиться «да понять».

Все это, конечно, верно, но думать, что «перспективизм», то есть умение видеть зародыш завтрашнего, то есть искусства социалистического реализма, такой перспективизм, заключенный в самой истории, является диалектикой исторического развития, и как нам представляется, эта черта нового искусства есть его такая же неотъемлемая часть, как и партийность, о которой справедливо сказал Карло Саллини на дискуссии в Институте Грамши: «Фактически партийность нельзя ни отвергнуть, ни признать, так как она объективно присуща искусству... В современном реалистическом движении эта всеобщая партийность искусства проявляется в том смысле, что она заставляет фиксировать элементы нового, существующие в диалектике окружающей нас действительности, и, следовательно, связывает искусство с тенденцией, ведущей общество по пути к социализму». Слабость неореализма проявляется в том, что, в основном продолжая традиции критического реализма, он почти не отразил решающую черту современности: поворот человеческого развития в сторону социализма. В нем нет ясной идейной определенности. И по всем вышеприведенным мотивам перенесение его методов в нашу литературу маловероятно, даже невозможно.

Но, видя и отмечая слабые стороны неореализма в литературе, не следует все же только в нем искать источник недостатков некоторых наших писателей, которые будто бы подражают итальянскому неореализму. Те из наших писателей, которые отталкиваются от всего «громоздкого» и высокого во имя «бездыханности» правды, бед педалью, без подогрева, нередко делают ту ошибку, что с воедой риторики они выплескивают и ребенка познания, той познания, что несет по себе самой жизни. Но вряд ли правильно таких писателей упрекать в желании изображать высокое. Чисто аналитическое, бесстрастное повествование вряд ли достижимо, потому что сама жизнь не без страстей. Можно занять позицию исследователя, превращая свое перо в скальпель анатома. Но и в этом должен быть свой пафос. Он и есть, например, у Андрея Удальца, считающегося автором романтических приемов — это тот пафос, в котором жизнь не нуждается.

СЕГОДНЯ в рамках социалистического реализма являю обозначение манеры письма. И это хорошо. Думается, что вопрос о праве на почве социалистического реализма осуществлять разное художественное искания имеет и будет иметь очень большое значение для развития современного мирового искусства. Чем более глубоким и многосторонним в своей практике представит метод социалистического реализма, сохраняя всю свою идейную направленность и партийную остроту, чем менее догматичным будет наш подход к задачам социалистического реализма, тем шире станет круг художников, которые будут объединяться под его знаменами, тем все больше и больше сторонников он будет себе завоевывать во всех странах, и не только социалистического лагеря. Это видно хотя бы на примере Васко Прателли, который в своем последнем романе «Метелло» (первой части задуманной им трилогии) стремится подойти к изображению итальянской действительности, близкий к социалистическому реализму. Во всяком случае, вопрос о возможности творческих исканий внутри социалистического реализма стал одним из наиболее острых вопросов, в частности на дискуссии о реализме в Чехословакии и в известной мере во Франции, не говоря уже о серьезных дискуссиях, которые проводились Институтом мировой литературы имени Горького.

Если говорить о различных течениях или тенденциях внутри искусства социалистического реализма, то, пожалуй, наиболее ярко обозначившимися являются две тенденции: одна романтическая, стремящаяся к большим proportions, к крупномасштабному изображению людей, исполненных героическою пафоса; вторая, наоборот, стремится к максимально объективному воспроизведению жизни без вмешательства авторского голоса. Один из тех, кто говорил громко, давал выход завуалированному восприятию действительности, другие, наоборот, не повышая голоса, так, как говорит наблюдатель, ученый или мягкий рассказчик.

НАРОД НЕЛЬЗЯ ЗАПУГАТЬ

В. БОРОВСКИЙ

МИНИСТР иностранных дел Испании Фернандо Мария Кастелья недавно совершил поездку в Лондон. По словам зарубежной прессы, ему был оказан так «необычайно сердечный прием».

Чем же была продиктована такая встреча Кастелья, прошлое которого, как писала «Дейли геральд», «запятнано кровью»? Об этом можно судить хотя бы по тому, что в Лондоне вошли переговоры о размещении в Испании атоморакетных стартовых площадок в дополнение к сети военно-воздушных и военно-морских баз США, уже построенных на испанской территории.

Сейчас в Западной Европе становится все меньше и меньше охотников держать на своей территории атомные ракеты: ведь в случае войны на ракетные базы неминуемо обрушится ответный удар невиданной силы. Иное дело — франкистская Испания. Ее нынешние правители тем и держатся, что часть за частью захватывают в американском лобби не только ученых или мягкий рассказчик. С полными довериями до края позиций эти навязывания или тенденции кажутся друг другу непримлемыми или даже взаимоисключающими. Но так только кажется. У Довженко, например, героический пафос сочетается со шмелящим лиризмом, широкая масштабность — с детальнейшими подробностями. Искусство Довженко стоит на линии тех поисков, которыми отмечено творчество и таких больших его современников, как Маяковский, Бертольд Брехт, Назым Хикмет.

Это и есть подлинный современный авангардизм (если употребить излюбленный на Западе термин и если под авангардизмом понимать стремление художника идти не только в ногу, но и вперед идущему времени, а не фальшивые формалистические перемены давно пройденных и позабытых школ и школ), авангардизм, который связан у художников многих стран со стремлением ухватить и выразить стремительность эпохи, потрясающий размах исторических событий, в которых участвуют сотни миллионов людей.

Но ни у всех названных писателей считаем социалистическим реализмом. Ведь тот же Довженко залогом до спутников и лунника готовил сценарий о полете на космическом корабле. И когда он рассказывал о своем замысле, становилось ясно, что для Довженко этот замысел не облекся в картины, подобные нарисованному в романе И. Ефремова о полете к Андромеде. Это должно было быть произведение глубоко психологическое, в котором главным должно было стать изображение не техники, а переживаний людей, оторвавшихся от земли, от своих человеческих соборств.

Едва ли не самой порочнейшей и характерной чертой доженковского искусства является не только его героическая масштабность замыслов и пропорций, но его лирическая народность, его нежное чувство человека.

Говорят, что в его произведениях поэтическое, субъективное преобладало над исследовательским, объективным. Пусть так. Но это не только свойство, это не только черта его поэтического дарования. Это и ответ на запрос эпохи — ухватить и выразить в ней такие черты, которых никогда не было раньше.

С наибольшей силой на человеческие чувства и сознание (это подтверждает история всего мирового искусства, начиная с древнего Египта и Китая) воздействует такое искусство, которое изображает жизнь в формах, близких на самую жизнь, во всяком случае, недалеко отступающих от правдоподобия. Особенно это относится к изображению душевной жизни человека. Здесь могут привлекаться и романтические и всякие иные поэтические краски. Но главное все-таки в правде человечности. В этом покоряющая сила Шолохова, который замечательной галереей своих человеческих образов — от Мелехова до Ильичича, от Павлова до Натальи — ответил на самый животрепещущий вопрос эпохи: перехода от капитализма к коммунизму, на вопрос о том, что же происходит с людьми и душами людей в эту эпоху?

Можно ли сказать, что в нашей литературе произошел процесс переноса на нашу почву некоторых приемов итальянского неореализма? Мы бы ответили отрицательно. Нам кажется, что здесь неореализм ни при чем, по крайней мере, если говорить о литературе. (В кино такие элементы подражательности были.) Кстати сказать, неореалистические произведения почти неизвестны русскому читателю, за исключением, может быть, замечательного романа очерка Карло Леви «Христос остановился в Эболи» и нескольких других книг. Скажем, такая книга, как «Беседы о Сицилии» Элио Витторини (1940), считающаяся началом того направления в литературе, которое называют неореалистическим, лишь недавно в глазах переведена на украинский.

Неореализм в литературе есть специфически итальянское, специфически национальное явление (настолько «национальное» по форме, что многие писатели-неореалисты даже не смогли в области языка выйти за пределы областных диалектов). И это явление при всех его недостатках и предельно требует исторически-конкретного анализа, требует выяснения как его прогрессивного характера для определенного периода в развитии итальянской литературы, внутри которой неореализм, вне сомнения, противостоял декаданству, так и тех пределов, которые не позволили итальянскому неореализму поставить и раскрыть во всем историческом и человеческом величии главную тему нашего времени — тему рождения нового, коммунистического человека в муках борьбы против старого общественного строя. А ведь тема эта — тема многих сотен миллионов людей, то есть читателей всех рас и языков. Вот почему мы вправе сказать, что на пути социалистического реализма современное искусство должно и может стать самым общечеловеческим искусством в самом общепонимом и глубоком смысле этого слова. Великие задачи, которые современность, борьба за коммунизм выдвигают перед писателями, под силу поднять только социалистическому реализму.

зависимость и суверенитет страны, ее богатства, ее будущее.

Вот почему обласкали запятнанного кровью фашиста Кастелья... Западные пропаганда, записываясь, борются что-то насчет некоего «перерождения» и чуть ли не «демократизации» франкистского режима, который-де поддерживает в стране «мир» и «спокойствие». Недаром нам пришлось употребить столько кавычек: тут что ни слово, то ложь.

Автор этих строк не так давно побывал в Испании, немало видел там, беседовал с разными людьми. И нельзя было почувствовать атмосферу напряженности, всеобщего ожидания назревающих крупных событий.

Мне рассказали, что франкистский режим переживает серьезный кризис. Единственная легальная партия — фашистская фаланга фактически распалась на несколько соперничающих группировок. В страхе перед возможным выступлением масс правящие классы сколотили в подполье, под эгидой католической церкви, организацию типа итальянской демокристической партии; она ждет своего часа, чтобы захватить власть и предотвратить демократические преобразования в стране. Внутренняя обстановка все более обостряется экономическим кризисом. Недовольство фашистским режимом охватило широкие круги испанского народа.

ОСЕНЬЮ прошлого года в Испании начались массовые аресты патриотов, которые не прекращались и по сей день. В тюрьмы Бургоса многие из политических заключенных лишены свободы уже 14, 16, 19 и даже 20 лет. Франкистские палачи особенно зверствуют в генеральном управлении безопасности, расположенном на старинной мадридской площади Пуэрта дель Сол, и в карабельской тюрьме, что на окраине Мадрида.

Сотни рабочих, студентов, адвокатов, преподавателей были схвачены франкистской тайной полицией в дни подготовки июльской всеобщей мирной забастовки. Только в Мадриде 16 и 17 июня было арестовано 500 антифашистов. Среди них: член Политбюро ЦК Компартии Испании Симон Санчес Монтеро — славный патриот, борец за свободу и независимость родины, которого мадридский военный трибунал приговорил к 20 годам тюрьмы, мадридский рабочий-металлург коммунист Луис Лобато, член ЦК компартии Абельардо Химено, руководители подпольного студенческого движения Эрик Мухика, Эмилио Санс Урдало, преподаватель математики социалист Сантьяго Антон, левые католики Хулио Серон Айлос, Луисано Ригон, студенты Барселонского университета Мария Роза Боррас, Элиас Бабьяно Родригес, большая группа торняков из бассейна Бергас.

Террор осуществляется самыми гнусными методами. В открытом письме епископу Эррера, подписанном Даниэлем Моралесом, рассказывается: «27 мая, в 12 часов ночи, агенты барселонской «социальной бригады», без какого-либо ордера на арест, проникли в жилище дон Десидеро Бабьяно Луисо и доньи Мануэлы Родригес и после объяска, на который они также не имели ордера, увезли указанных выше лиц в управление полиции. Должен сказать вам, что утром того же дня полиция задержала сына этой супружеской четы Элиасо Бабьяно Родригеса, студента промышленного факультета, а также сеньориту Мария Роза Боррас, студентку факультета филологии и философии. Инспектор полиции Крейке департировал сеньору Родригес глубокой ночью, пытаясь заставить ее оказать давление на сына, на ее собственного сына, монсеньор! Он сказал ей: «Если ваш сын не заговорит, я его так избью, что от него полетят клочки». ...Мать должна была увидеть там же, в Управлении полиции, своего сына после того, как его зверски избил на допросе. Пока она находилась в камере, она видела, как ее сына трижды уносили на допрос. Сеньору Родригес другие арестованные рассказали, что один торняк, которого «допрашивали» несколькими днями раньше, сошел с ума; сошел с ума от пыток, монсеньор! Несчастный пытался покончить с собой! ...Так выглядит на практике «демократизация» франкистского режима!

«Недавно я прочитал текст письма Ста двадцати видных представителей испанской интеллигенции, направленного франкистскому министру юстиции. Под письмом, в котором содержится требование амнистии политическим заключенным, стоят подписи академиков, писателей, ученых, деятелей искусства, священников и даже бывшего министра. Среди имен было два, особенно хорошо знакомых мне, — с их обладателями мы встречались...»

«Дом Эгара Невилла находится на улице Монклоа в артистическом районе Мадрида. Я посетил этот уютный, со вкусом обстановенный особняк по дороге на расположенный неподалеку стадион, где в тот день происходил футбольный матч между двумя сильнейшими командами страны. Оказалось, что сеньор Невилль, полный, но очень подвижный и энергичный человек, не увлекается футболом; но проявил интерес к и театральным темам, хотя сам — видный драматург. Зато он и его супруга забросали меня вопросами о Советском Союзе, причем многие из этих вопросов были удивительно наивны.

Эгар Невилль характеризовал себя как убежденного гастронома (он даже подарил мне написанный им гастрономический путеводитель по Испании); кроме того, сказал мне писатель, он анархист по характеру, поэтому при республике был монархистом, а при монархии — республиканцем; вообще же он просто честный человек... И несколько вспомнил эти последние слова, найдя имя Невилля под требованием об амнистии политическим заключенным.

Совсем иной человек Рамон Менендес Пидаль, имя которого открывает список подписей под письмом. Крупнейший ученый, президент испанской Академии языка, он всемирно известен своими передовыми взглядами в науке. Мы встретились с дном Рамоном в его рабочем кабинете. Он с явным интересом выслушал мой рассказ о том, как было отмечено в Москве его девятидесятилетие, подробности о предстоящем издании в Советском Союзе собрания его сочинений. Сеньор Пидаль в свою очередь рассказал, над чем он трудится. Его увлекла проблема народной поэзии, которой он посвятил свои последние труды и, в частности, книгу о «Песне о Роланде». Президент Академии выразил сожаление по поводу изолированности испанских лингвистов, отсутствия регулярных связей с советскими коллегами.

Когда сеньор Пидаль, увлекшись, развивал смелые, полные глубокого смысла, реалистические идеи, я на мгновение забыл, что нахожусь в Испании, где все еще господствуют и насыщаются средневековые мраконебе, обскурантизм... Таковы два человека, поставивших во велиюю совесть свои имена под требованием амнистии. И тот факт, что это очень разные люди, лишь подчеркивает, сколь широкие круги испанской интеллигенции прибегают сейчас к борьбе народа против тираннии.

Таковы два человека, поставивших во велиюю совесть свои имена под требованием амнистии. И тот факт, что это очень разные люди, лишь подчеркивает, сколь широкие круги испанской интеллигенции прибегают сейчас к борьбе народа против тираннии.

В МАЛЕНЬКОМ испанском городке я в ожидании поезда коротал время в небольшом ресторанчике. Я оказался единственным клиентом в это время, и обслуживавший меня парень подсел ко мне поболтать. Узнав, что я русский, советский журналист, он удивился. Потом смуглое лицо его расплылось в улыбку.

Оказалось, что его отец был офицером республиканской армии в годы гражданской войны в Испании. Десять лет провел он во франкистских застенках, вышел оттуда большим, исхудавшим. Сейчас раз в месяц должен являться в полицию, так как находится под надзором.

Отец продолжает бороться, — сказал мне юноша. — Он поддерживает связи с товарищами, получает листовки, подпольные газеты, слушает передачи подпольного радио. У нас ведь тут не прекращаются забастовки — вот две недели назад забастовали рабочие бумажной фабрики. Полиция обрушилась на них, многих бросили в тюрьму. Но народ нельзя запугать — ни тюрьмы, ни полицейская слежка, ничто нас не остановит. Больше терпеть нельзя!

Этот славный испанский парень с горящими черными глазами более, чем кто-либо, убедил меня в том, что зарубежные повстанцы франкистского режима, пытающиеся спасти его от окончательного краха, бросают деньги на ветер.

Лев Матвеевич СУБОЦКИЙ

Ушел от нас Лев Субоцкий, литературный критик, старый коммунист, активный общественник. С юношеских лет встал он в ряды борцов за Советскую власть. В 1919 году вступил в партию. Был делегатом Десятого съезда партии. Участвовал в подавлении контрреволюционного мятежа в Kronштадте в 1921 году, за что был награжден орденом Красного Знамени.

После гражданской войны Л. Субоцкий был одним из руководящих работников Главной военной прокуратуры Союза ССР. Одновременно он занимается литературной деятельностью. В 1932 году избирается секретарем

Оргкомитета Союза советских писателей СССР. На протяжении ряда лет работал ответственным редактором «Литературной газеты».

В годы Великой Отечественной войны Л. Субоцкий — в действующей армии, заместитель военного прокурора фронта. После окончания войны он вернулся к литературной работе. В 1946 — 1948 гг. был секретарем правления Союза писателей СССР. Л. Субоцкий — автор талантливых критических статей, редактор многих изданий художественной литературы.

Память о Лье Субоцком надолго сохранится в наших сердцах.

Группа товарищей

Секретариат правления Союза писателей СССР, правление Союза писателей РСФСР, президиум Московского отделения союза и партийный комитет с глубоким прискорбием извещают о скоростной смерти члена Союза писателей, члена КПСС с 1919 года

Лья Матвеевич СУБОЦКОГО и выражают искреннее соболезнование его семье.

Гражданская панихида состоится в крематории во вторник, 13 октября, в 13 часов. Вынос тела из квартиры покойного (ул. Гринцевец, дом № 4, кв. 6) в 12 часов дня. Справки по телефону Б 1-37-27.

Главный редактор С. С. СМЕРНОВ.
Редакционная коллегия: Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, Г. В. МЕДВЕДЕВ, Е. И. РЯБИЧКОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, отделы: литератор народоз

Москва, Литгазета. Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренней СССР — Б 8-59-17, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б-04649